

УДК 002.1-021.54-021.58:006.032/.034

УСТНЫЙ ДОКУМЕНТ

Юрий Столяров,
главный научный сотрудник
ФГБУН «Научный и издательский центр «Наука»
РАН,
д-р пед. наук, профессор (Москва, Россия)
e-mail: yn100@narod.ru

Официально принятые на международном, украинском и российском уровнях определения документа предлагается понимать расширительно, допуская считать документом и естественный источник информации, т. е. человека. Соответственно наряду с документом как объектом искусственного происхождения в объём понятия документа включается и объект естественного происхождения. Методологически правомерность такого рассмотрения вытекает из определения документа, принятого Международной организацией по стандартизации, а также российских и украинских государственных стандартов. Автор обосновывает правомерность существования множества дефиниций документа, зависящих от специфики и профиля соответствующей социальной системы.

Ключевые слова: документ, естественный документ, искусственный документ, Международная организация по стандартизации, государственные стандарты, Н. А. Рубакин, Г. Н. Швецова-Водка, П. Отле, С. Брие.

Теоретические представления о сущности документа, находящие отражение в его самых различных дефинициях, по умолчанию исходят из представления о том, что документ есть созданный по определённым правилам искусственный, т. е. неодоушевлённый объект. Насколько, однако, это представление соответствует истине или, по крайней мере, тому, что уже известно о документе и давно принято научным сообществом как устоявшееся? Буду оперировать только международными, украинскими и российскими дефинициями, принятыми официально.

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к исходным общенаучным и логическим правилам определения и классификации чего бы то ни было. Как известно, они требуют, чтобы определяемый объект, во-первых, вписывался в более широкий класс подобных объектов, и, во-вторых, чтобы в границах этого класса он содержал главный отличительный признак или признаки.

Возьмём, например, геометрическую фигуру, именуемую квадратом. Квадрат можно нарисовать очень тонкой кисточкой синей масляной краской на холсте. Но его можно начертить и красной тушью на листе ватмана, согнуть из медной проволоки и т. д. Квадрат может быть миниатюрным, а может иметь гигантские размеры, он может быть всего лишь оконтуренным, а может быть полностью покрыт краской, как «Чёрный квадрат» Казимира Малевича. Для определения того, что такое квадрат в сущности, всё это и бесконечно многое другое, что характеризует любой конкретный квадрат, не имеет решительно никакого значения. Главное в сказанном о квадрате то, что он – прямоугольник. Однако не всякий. Квадрат – лишь такой прямоугольник, у которого равны все стороны. За вычетом этих двух ограничений квадрат может иметь любой размер, вес, температуру, цвет, вкус и всё прочее, что кому пожелается. Дальнейшие ограничения будут зависеть от конкретных факторов: где этот квадрат размещён, какая функциональная роль ему предназначена и т. д.

Казалось бы, всё так ясно и так просто. Но в документологии с определением ключевого понятия дело обстоит, увы, иначе. На роль критерия отграничения документа от недокумента чего только не предлагалось: и средство записи, и способ записи, и наличие реквизитов, и возможность неоднократного обращения к зафиксированной информации (писаное вилами по воде документом якобы не является), и правовая сила, и завершённость сообщения, и различное сочетание этих признаков. И так далее до бесконечности. На первое место в определении документа выдвигали то *материальный носитель* (с нанесённой на него информацией) – в терминологическом стандарте по делопроизводству и архивному делу 1970 г. (ГОСТ 16487-70. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения, 1970), то наоборот: *информацию* (зафиксированную на материальном носителе) – например, в украинском ДСТУ 2732:2004 *Діловодство й архівна справа. Терміни та визначення понять*: «Інформація, зафіксована на матеріальному носії, основною функцією якого є зберігати та передавати її в часі та просторі».

От перестановки слагаемых сумма в данной ситуации меняется весьма радикально. Например, на том основании, что в электронной среде материальный носитель (неявно имелся в виду вещественный) не виден, долгое время за электронным источником информации отказывались видеть документ: ведь он же – не бумажный, а содержащаяся в нём информация летает по всему миру и присутствует одновременно везде. Чуть ли не какая-то, а не документ!

Между прочим, определение документа как зафиксированной на материальном носителе информации с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях её материальный носитель (Федеральный закон Российской Федерации «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», 2006), приводит к двойному конфузу: то ли следует полагать, что реквизиты не содержат информации (но зачем они тогда нужны), то ли информация не является реквизитом, – а она им-таки является в соответствии с ГОСТ Р 7.0.97-2016 *Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов*: текст документа – восемнадцатый в перечне из 30-ти реквизитов (ГОСТ Р 7.0.97-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация, 2018). Но если основной текст документа – это реквизит, то тогда документ в целом – это либо реквизит с реквизитами, либо информация с информацией (содержащейся в реквизитах). То есть, с какой стороны ни глянь, – всё несурзаца.

При исключительном разном определении все они всё-таки неявно исходят из представления о документе как об искусственном объекте, созданном человеком для закрепления важной в каком-либо отношении информации, с возможностью её неоднократного воспроизведения. При этом, однако, допускается, что материальная основа документа – вещество, на котором информация записана, или вещество, служащее для записи самой информации (например, краска, паста, чернила), – могут иметь происхождение естественное. Таковы глина, камень, тростник, ствол, кора или листья деревьев, кости и кожа животных или человека и т. д. Однако по умолчанию предполагается, что документ как целостность имеет только искусственное происхождение, является произведением человеческого гения и в природе, т. е. в естественном состоянии, отсутствует.

Это представление было поколеблено, когда «мадам Документация» С. Брие (Suzanne Briet, 1894–1989) в 1951 году опубликовала работу под названием «Что

такое документация?». Оно начинается с утверждения: «Документ – это свидетельство, подтверждающее некоторый факт», «это любой физический или символический знак, сохранённый или записанный, предназначенный для того, чтобы представлять, реконструировать, подтверждать некоторый физический или индивидуальный феномен» (Гушевский, 2010). Кто или что выступает в роли свидетельства или подтверждения – значения не имеет. Расширение понятия «документ» по сравнению с предложенным ещё П. Отле (документ – всякий искусственный объект, содержащий любую семантическую информацию) было вызвано тем, что ей пришлось решать вопрос о статусе обнаруженной в африканской саванне живой антилопы как своеобразного документа. После долгих размышлений и логических умозаключений она, как известно, пришла к выводу, что для научных целей это животное, при условии его нахождения в зоопарке, т. е. в искусственно созданной среде, документом считать можно.

Согласимся с С. Брие, что если в документе самое существенное – это способность сохранять, подтверждать и передавать информацию, то информация, полученная зоологом от наблюдения за антилопой, равно как и за любым другим организмом, действительно в глазах исследователя придаёт этому зоологическому объекту статус документа. И вопрос о его местонахождении актуализируется, поскольку изучение антилопы в месте её естественного обитания позволяет получить информацию о ней даже большую по сравнению с информацией из места неволи, в котором она волей судеб оказалась.

Иными словами, знаменитый тезис С. Брие о том, что камень в реке, звезда в небе, антилопа в саванне – не документы, тогда как тот же камень в музее, та же звезда в виде фотографии, та же антилопа, но в зоопарке, – суть документы, нуждается в расширении, снятии поставленных ограничений. Ведь прежде чем решить вопрос о целесообразности помещения камня в музей, археолог изучает его на месте обнаружения, из собственных предыдущих знаний и внешних источников собирает информацию о нём, производит в уме новую информацию и лишь после этого перемещает камень в музей. Иными словами, найденный камень изначально является для данного учёного документом. После помещения этого минерала в музейную витрину он становится таковым также в глазах экскурсовода и посетителей. То же самое можно сказать и о небесном теле, и о животном, и о любом объекте вообще. Потому-то определение, принятое Международной организацией по стандартизации (ISO) правильно трактует документ как «записанную информацию или материальный объект, которые могут использоваться в качестве единицы в документационном процессе» (ISO 5127/1: 2001. Information and documentation, 2001).

Иными словами, стандарт ISO и в первом значении, т. е. как любой объект, не накладывает на понятие «документ» никакого ограничения, кроме одного: чтобы он мог свидетельствовать о чём-либо важном для той или иной семантической системы.

Подобное истолкование допускал ещё советский ГОСТ 16487-83 *Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения*: «Документ – это материальный объект с информацией, закреплённой на нём способом, созданным человеком, для передачи её во времени и пространстве» (Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. ГОСТ 16487-83, 1987). Материальным объектом правомерно считать и человека (кто будет с этим спорить?), располагающего информацией. Способ её закрепления в случае с человеком, конечно, весьма ненадёжный, но о надёжности дефиниция умалчивает. Правда, весьма маловероятно, что

разработчики стандарта предусматривали возможность такой интерпретации их дефиниции.

Сказанное можно распространить и на ГОСТ Р 52292-2004 *Информационная технология. Электронный обмен информацией. Термины и определения*. Документ в нём рассматривается как «объект информационного взаимодействия в социальной среде, предназначенный для формального выражения социальных отношений между другими объектами этой среды» (ГОСТ Р 52292-2004 *Информационная технология. Электронный обмен информацией. Термины и определения*, 2005). Применительно к теме данного разговора это определение можно сузить следующим образом: «Человек есть объект (и субъект) информационного взаимодействия, способный формально (и неформально) выражать (и отражать) социальные отношения». В отдельных аспектах это определение даже богаче, чем приведённое в названном ГОСТе.

Анализируя мою монографию «Истоки книжной культуры» (2017), Г. Н. Швецова-Водка правильно трактует документ как «свидетельство, зафиксированное на материальном носителе и благодаря этому сохраняющее в неизменном виде как свою форму, так и содержание» (Швецова-Водка, 2018, с. 598). Однако на устное народное творчество это определение, по её мнению, распространить невозможно. Документом, считает она – прямо по логике С. Брие, – такое свидетельство становится только после того, как подвергнется записи. Г. Н. Швецова-Водка не готова принять тот факт, что при расширительном подходе к трактовке документа таковым становится весь мир. Но, замечает она, процессом извлечения (и – добавлю от себя – переработки, осмысления, анализа, обобщения) информации занимается теория познания, тогда как документ – всего лишь объект, предназначенный для передачи информации от человека к человеку.

Насколько корректно такое утверждение? Давайте разберёмся, начиная с конца. Согласимся: задачи, решаемые теорией познания, с одной стороны, и документом, с другой стороны, различны. Но давайте согласимся также, что специалисты в области теории познания (как их ни назови: когнитивисты, гносеологи, эпистемологи) черпают информацию именно из документов. И каждый документ заключает в себе либо часть информации, либо – в случае со Вселенной – всю её, так что опасения Г. Н. Швецовой-Водки излишни: каждый феномен выполняет свою собственную функцию. Эпистемологу, пожалуй, было бы даже проще осуществлять свою деятельность, пользуясь всего одним-единственным документом. Суть не в самой по себе широте понятия «документ», а в том, какие ограничительные характеристики на него накладываются.

В своё время (в 1994 г.) именно Г. Н. Швецова-Водка продемонстрировала относительность понятия «документ», представив его как своеобразную куклу-матрёшку, в каждом конкретном убывающем объёме заключающую собственное содержание. В самом общем случае она определила документ («документ-1» в её интерпретации) как любой материальный объект, который используется в обществе для передачи информации (Швецова-Водка, 1994). Этой позиции она придерживается по сию пору (Швецова-Водка, 2014, с. 18). Я чрезвычайно благодарен ей за высказывание этой мысли, поскольку именно этой идее я обязан всем последующим изучением природы документа, в конечном счёте вылившемся в создание всеобщей теории документа, или документологии.

И вот теперь Г. Н. Швецова-Водка отступает от ею же сформулированного определения, в соответствии с которым устное свидетельство допустимо рассма-

тривать в качестве документа! И её дефиницию приходится защищать от неё же самой.

Вновь обратим внимание на международное определение документа, в котором документом может быть либо материальный объект (любой – например, сказитель), либо записанная информация. В памяти сказителя она тоже ведь записана! Какими знаками, в какой форме, каким способом – для определения сущности документа все эти вопросы второстепенны, их мы в данном случае из рассмотрения исключим. Подойдём к вопросу строго математически и логически: ограничения на род и вид объекта, свидетельствующего о чём бы то ни было, в дефиниции документа отсутствуют. Главное и единственное ограничение одно: чтобы этот объект обладал способностью быть единицей в семантическом процессе. В Стандарте этот процесс назван документационным. Назван неудачно, потому что определяющее слово (документационный) взято из того же ряда, что и определяемое (документ), а это правилами построения дефиниций запрещено).

Исходя из определения, информационный объект может быть естественным или искусственным, стационарным или мобильным, дискретным или континуальным, синхронным или диахронным, вещественным или энергетическим, периодическим или непериодическим, электронным или неэлектронным и т. д. – всё это имеет значение лишь на последующих этапах диверсификации документа. Коль стандарт допускает самые разные воплощения документа, в частном случае он может быть и устным.

Если приведённых рассуждений мало, возьму себе в союзники авторитетных специалистов, обосновывающих «еретическую» мысль о правомерности существования устного документа задолго до меня. По странному стечению обстоятельств, это их обоснование прошло мимо внимания документологов.

Первым среди них назову Н. А. Рубакина, который в своих трудах по библиопсихологии исходил из того, что даже книга есть «*всякое произведение слова, - будь это слово печатное, рукописное или устное*» (Рубакин, 1928, с. 22). Три эти главных формы словесных произведений, подчёркивает он, «различные формы единого книжного дела», связаны между собой неразрывно, постоянно переходят одна в другую, так что провести между ними чёткую грань невозможно. В самом деле: если устная декламация стихотворения со сцены чем и отличается от неё же, но в записи, то только преимуществами. Аудиокнигу вынуждены слушать те, кто лишён возможности послушать декламатора, особенно самого автора, вживую. Те, кому довелось побывать на спектакле или концерте, имеют преимущество перед теми, кто вынужден довольствоваться соответствующими видеозаписями. Контент же, т. е. самое главное, чем ценен документ, в том и другом случае идентичен. Поэтому-то, по словам Н. А. Рубакина, «объектом библиопсихологии является речь и печатная, и рукописная, и устная» (Рубакин, 1928, с. 23).

Обратим внимание, что впервые эта мысль была высказана им за 30 лет до С. Брие и известна не только в нашей отечественной, но и в зарубежной литературе, поскольку его двухтомное «Введение в библиологическую психологию» сначала (в 1921 г.) вышло в Париже на французском языке. Идея-то эта известна, оказывается, без малого сто лет!

Обратимся к нашим современникам. Рассматривая вопрос об актах фиксации информации в бесписьменном обществе, исследование Б. А. Семеновкера «Эволюция информационной деятельности до книгопечатания» (2017) (оно представляет собой синтез трёх его предыдущих книг, подробнее об этом см. Столяров, 2018) начинается с анализа бесписьменного периода цивилизации, когда информация соз-

давалась, собиралась и передавалась в устной форме, а её хранителями были люди, их тренированная память. Автор анализирует широкий пласт форм бытования сохранённой информации. Это язык и порождённые им сакральная поэзия, мифы, предания, легенды, ритуалы, религиозные верования, эпическая и лирическая поэзия, прикладные знания, обучение, музыка, танцы и многое другое. Иными словами, рассматриваются случаи, когда информация существует безотрывно от своего внутреннего носителя – живого человека, индивидуума, личности.

В монографии убедительно показано, что в глубокой древности устное слово рассматривалось как творческая космическая сила, в отдельных случаях оно персонифицировалось. Носителями информации у всех первобытных народов были предки и буквальному запоминанию придавалось исключительно большое значение. Письменность в этом отношении в принципе ничего не изменила, она всего лишь «увеличила значение речи как основного информационного канала <...> Письмо дополняет речь как средство коммуникации» (Семеновкер, 2017, с. 26). Б. А. Семеновкер отмечает, что древнеиндийские веды существовали в устной форме в течение тысяч лет, прежде чем были записаны: «Каждое новое исполнение сакрального гимна при религиозном обряде не было новым гимном. Наоборот, оно было точной копией, тем же гимном, который исполнялся столетия, а может быть, тысячелетия» (Семеновкер, 2017, с. 68–69). Это обусловлено тем, что «неизменяемость и сакральность обусловлены обоюдно: святость предполагает ритуальную фиксированность, неизменяемость служит свидетельством и гарантией святости <...> Святость ритуала охраняет информацию, которую он содержит, от каких-либо изменений» (Семеновкер, 2017, с. 42).

Автор убедительно показывает, что роль документа выполняют природные и искусственные мнемонические символы, а также позы, жесты, мимика и другие проявления первой сигнальной системы.

В бесписьменной форме, продолжает Б. А. Семеновкер, первоначально существовали не только сакральные тексты вед, но и вспомогательный аппарат, а также различные пояснения к ним. Мало того, в устной форме существовали полноценные ведические дисциплины: фонетика, метрика, грамматика, этимология и астрономия. Вот и появился устный документ, полностью подпадающий под общее определение документа. *Устная форма информации у многих народов считалась более надёжным и авторитетным источником по сравнению с письменной!*

Ю. М. Лотман выделил два фактора, делающих письменность излишней даже для государственных нужд: 1) стабильность внешних и внутренних условий; 2) упор на сохранение, а не на умножение числа текстов (Лотман, 1987, с. 5, 11).

От привычных видов документов устную их форму радикально отличает отсутствие момента фиксирования информации на внешних, отделённых от источника информации, искусственных носителях. Но оно имеет место на внутреннем носителе – в сознании субъекта – и хранится там в естественной форме. При передаче другому носителю живым документом становится другой субъект. Только этим и отличается один вид документа – естественного – от другого – искусственного. Во всех остальных отношениях содержание, свойства и функции, решаемые задачи и прочие самые существенные характеристики документа как социального феномена полностью совпадают.

Характерно, что изобразительную информацию Б. А. Семеновкер ставит в один ряд с музыкой и танцами и относит её к бесписьменному обществу. Но ведь, как правильно отмечает сам автор, её принципиальное отличие от музыки и танцев состоит в том, что она позволяет сохранять социально значимые

сведения «вне тела». При этом «важно не какое-либо эстетическое удовольствие, а контроль за сохранением информации без изменений» (Семеновкер, 2017, с. 56). Граница между письменным и бесписьменным документом и в этом случае оказывается размытой, весьма условной и относительной.

Перенос информации на внешний носитель придаёт документу новое качество. Пиктограмма есть не что иное как рисуночное письмо. *Письмо!* Значит, первобытные наскальные и иные изображения, которые появились ещё в палеолитическую эпоху, относятся к классу *письменного общества, письменной документаризации*. Конечно, рисунок – это не азбука, но азбука возникла, как убедительно показано в той же монографии, как раз из пиктограмм. Так что правильнее было бы поступить наоборот: считать внеизобразительные средства передачи информации специфической формой письменности.

В общей сложности на анализ бесписьменных документов Б. А. Семеновкер отвлёк свыше 100 страниц текста.

Если бы в начале 2000-х гг., когда он усиленно работал над изучением поднятой проблемы, Б. А. Семеновкер углубился в сущность понятия документ, – а к тому моменту в Документологии уже были достигнуты существенные результаты, – тогда ценность проделанного им труда предстала бы в более выпуклом свете.

Предвижу радикальное возражение: о каком *Документе* может идти речь в бесписьменном обществе, с которого начинается монография Б. А. Семеновкера? При чём тут *документ*, если письмо, как верно утверждается на стр. 26 монографии, всего лишь «дополняет речь как средство коммуникации»?

Здесь придётся напомнить фундаментальное положение документологии, в соответствии с которым документ есть понятие относительное, условное и конвенциональное. Достаточно согласиться (свойство конвенциональности) с Н. А. Рубакиным условно считать (свойство условности) относительно рассматриваемой ситуации (свойство конвенциональности) любое явление или объект, несущие информацию, документом, как буквально всё, что находится в поле зрения Б. А. Семеновкера – фольклор, музыка, танцы и т. д., – мгновенно воспринимается в качестве книг, что оправдывает изучение поименованных явлений в русле заявленной темы – эволюции видов документа в ходе мировой истории.

Признание устного документа как равноправного с другими его видами нашло отражение в защищённой в 2009 г. диссертации Деборы Тэрнер (Debora A. Turner, США) «Conceptualizing Oral Documents: A dissertation submitted in partial fulfillment of the Requirements for the degree of Doctor of Philosophy. University of Washington, 2009. Program Authorized to offer Degree Information School» («Осмысление устных документов: диссертация на соискание учёной степени доктора философии. Университет Вашингтона», 2009).

В ряде случаев устный документ имеет приоритет перед документом письменным. Так, в суде выслушать устные показания подсудимого или свидетеля важнее, чем изучить его же письменные показания, данные до судебного процесса. Да, устные показания на суде непременно записываются, т. е. преобразуются в новую документарную форму, потому что впоследствии удобнее оперировать именно с искусственно созданным документом. Однако значимость устного показания при этом сохраняется в полной мере.

Явления, когда живые люди воспринимаются не в своём естественном качестве, а, как и в случае с документом, в роли выразителей некой идеи, образа, неодушевлённого объекта, если вдуматься, не так уж и редки. Когда, например, судья входит в зал судебного заседания, он выступает в роли олицетворённого закона,

и возглас: «Встать, суд идёт!» означает, что в зал входит непосредственно его величество Закон, а не конкретные люди, мужчины и женщины. На время суда они лишаются даже собственных имён и гендерной принадлежности, превращаясь в «вашу честь».

Живая персона воспринимается как отвлечённая идея и в ряде других, каждый раз особо важных случаев: Президент страны или министр иностранных дел за границами своего государства представляют в своём лице целую державу, и их принимают по специальному, установленному для таких случаев ритуалу. Договор зачастую заключают с юридическим лицом, т. е. учреждением, организацией, предприятием, но их *олицетворением* является руководитель, т. е. живой человек. Так что воспринимать человека как документ вполне естественно, ведь в этой роли он выступает в строго дозированном смысле, обусловленном исключительно необходимостью получения информации о чём-либо или подтверждения чего-либо. Во всех остальных отношениях он представляет собой то физического, то физиологического, то одухотворённого, то ещё какого-нибудь субъекта, к документу ни малейшего отношения не имеющего.

Можно заранее согласиться, что, по сравнению с письменным, устный документ обладает большими, даже очень большими минусами. Главные из них – неотделимость информации от её носителя, зависимость контента от памяти и психофизического состояния человека, неустойчивость качества и объёма информации, её возможное частичное изменение по субъективным причинам. Устная информация может быть передана только непосредственно; для того, чтобы её сохранить и передать, требуются технические средства. И так далее, и так далее. Именно для того, чтобы преодолеть недостатки документа естественного, параллельно ему и был создан искусственный документ.

Впрочем, в ряде отношений искусственный документ, в свою очередь, уступает документу естественному, и это было известно в глубокой древности. В связи с этим наиболее часто упоминается мифический диалог изобретателя письменности Тевта с древнеегипетским царём Тамусом. На известие об изобретении способа фиксировать информацию как величайшем достижении последний возразил: «Искуснейший Тевт, один способен создавать произведения искусства, а другой – судить, какая в них доля вреда и пользы для тех, кто будет ими пользоваться. Ты, отец письмен, любишь их настолько, что, говоря об их значении, ты сейчас сказал все наоборот. В души научившихся им они вселят забывчивость, так как лишится упражнений память: припоминать станут, доверяясь письму, по посторонним, внешним знакам, а не внутренней силой, сами по себе. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. И ученикам ты дашь видимость мудрости, а не истинную мудрость, так что они у тебя будут многое знать понаслышке, не усваивая, и казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, невыносимыми в общении; так и сделаются они не мудрыми, а мнимомудрыми» (Платон, 2018). «Всякое сочинение, однажды записанное, находится в обращении везде – и у людей понимающих, и, равным образом, у тех, кому вовсе не пристало читать его, – и не знает, с кем оно должно говорить, а с кем нет. Если им пренебрегают или несправедливо ругают его, оно нуждается в помощи своего отца, а само неспособно ни защищаться, ни помочь себе», – заметил мудрый египетский царь (Там же).

Надо иметь в виду и то, что, «облекаясь в письменные знаки, мысль, настроение, чувство теряют какую-то часть информации. Следующий этап потерь начинается, когда мысль воплощается в ещё более формализованное печатное слово. Даже в интонации нередко может содержаться не только оттенок высказывания,

но и сама мысль. Таким образом, письменность всегда была далеко не идеальной формой передачи и хранения информации» (Сухоруков, 1993, с. 37).

Одна из главных претензий к устному документу – весьма высокая вероятность искажения исходного текста при его очередном воспроизведении. Но этот недостаток, хотя и в меньшей степени, свойствен и документу письменному. Запись текста – не всегда гарантия его аутентичности. При его копировании вручную ошибки неизбежны. При постепенном умножении они могут приводить к грандиозным социальным катаклизмам типа не преодоленного до сих пор раскола православной церкви, возникшего в XVII в. из желания патриарха Никона (1605–1681) исправить богослужебные книги.

В феномене документа, воспринимающегося обычно в качестве искусственного неодушевленного объекта, на самом деле очень много чисто человеческого, рукотворного, одушевленного. Начнём с того, что документ – произведение человеческого гения, он предназначен именно и только для человека, вне человека и сферы его коммуникации не функционирует. Знаковые системы и способ их нанесения тоже суть человеческие изобретения. Как частный случай материального носителя информации с незапамятных времён известна человеческая кожа, используемая для татуировок. Документ появляется, как принято считать, только когда информация из головы человека переносится на внешний носитель. Но общее определение документа позволяет считать им и случай, когда она остаётся в его сознании, а передаётся реципиенту (коммуницируемому объекту) устным путём. Признание этого обстоятельства расширяет абстрактное понятие документа, оправдывая его применение в необходимых случаях. Вместе с тем оно полностью сохраняет за документом все прежние его значения.

Расширенное представление лишней раз свидетельствует, что существует объективная необходимость в каждом конкретном случае переходить от предельно широкого абстрактного определения документа к более узкому, зато и более конкретному определению, конгруэнтному именно данной рассматриваемой системе и именно её специфическому семантическому процессу, элементом которой может быть адекватный информационный объект. Своим конкретным видом документа с его конкретным собирательным наименованием (книгой в книговедении, музейным предметом в музеологии, флагом в вексилологии, вещественным доказательством в криминалистике, гербом в геральдике и так далее до бесконечности) располагает, как об этом трактует первый закон документологии, всякая социальная система. В настоящий же момент оказывается, что библиотекеды, библиографоведы и книговеды, например, отказались от собственных дефиниций документа и пользуются чуждым определением, привнесённым из сферы управленческого документоведения. Ничего полезного от этого ожидать, естественно, не приходится.

Ну, хорошо, – скажет мне закоренелый скептик, – допустим, что с сугубо формальной точки зрения признать существование устного документа можно. Но не из области ли схоластики все эти рассуждения? Какой в них практический смысл, тем более в библиотечном деле?

Отвечаю: документ – понятие относительное. Поэтому всё зависит от того, как на этот вопрос посмотреть... Можно ведь посмотреть и так, что именно в отношении к устному документу будет всё больше открываться смысл библиотечной деятельности.

В самом деле: известно, что сущностная функция библиотеки – документо-коммуникативная. Иными словами, библиотека тогда выполняет своё сущ-

ностное предназначение, когда она обеспечивает связь между документом и пользователем. Чем эта связь шире, теснее, тем лучше библиотека выполняет эту функцию. Потому-то библиотеки и не ограничиваются только выдачей документов, но стремятся организовать встречи читателей с авторами, обмен мнениями и впечатлениями о книгах и т. д. Автор в этом случае выступает в качестве живого документа, от которого можно получить расширенную, уточнённую информацию о его произведении. Поэтому не такой уж метафорой являются библиотечные мероприятия, в прежние времена именуемые живыми стенгазетами, а теперь живыми журналами. В роли отдельных статей при этом выступают живые люди – как правило, общественники из числа читательских активистов. В Канаде с 2011 г. практикуется резервирование не книг, а людей: «Библиотека позволяет желающим «заказывать» специалистов в разных областях знаний и просто людей с интересной судьбой (а значит, располагающих информацией, которая может понадобиться) с целью взять у них интервью. Например, слепого можно расспросить, как ему живётся, а иммигранта – как он устроился в чужой стране. Можно поговорить о религии с человеком религиозным или о науке – с учёным. ...в канадском случае речь идёт о предоставлении услуги по «резервированию» добровольцев-экспертов (тоже своего рода «живых книг» на постоянной основе широкому кругу пользователей)» (Цит. по Михнова, Пурник, 2018, с. 251). Если удовлетворять информационные и эмоциональные потребности читателей библиотека будет посредством, в том числе, и устных документов, реализация её документо-коммуникативной функции получит новый импульс.

Таким образом, уже сегодня можно зафиксировать ситуацию, когда в качестве документа рассматривается устное свидетельство. Взятая из него информация, будучи перенесённой на внешний носитель, порождает документ качественно иного класса, однако родственный перводокументу в главном – единстве контента, или семантивной составляющей.

Поэтому завершить хотелось бы следующими призывами. Давайте откажемся от методологически порочного стремления выработать некое универсальное определение документа, в своих собственных пределах равно пригодное для любой области общественного бытия. Давайте признаем, что абстрактная дефиниция (документ – это объект, способный быть единицей семантического процесса), будучи применяема в той или иной социальной системе, каждый раз требует конкретизации в соответствии с профилем и спецификой этой системы. Поскольку существует бесчисленное множество сфер общественного бытия, постольку правомерно и даже неизбежно наличие бесконечного количества конкретных определений документа, уточняющих его общее единое определение. В отдельных случаях наряду с письменным, печатным и т. п. возможно бытование и устного документа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ISO 5127/1: 2001. Information and documentation : vocabulary. Part 1. Basic concepts. 2001. P. 10.
ГОСТ 16487-70. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения / ВНИИДАД. Москва : Изд-во стандартов, 1970. 20 с.
ГОСТ Р 52292-2004 Информационная технология (ИТ). Электронный обмен информацией. Термины и определения. Москва : ИПК Изд-во стандартов, 2005. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200038309> (дата обращения: 5.12.2018).

- ГОСТ Р 7.0.97-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов. 2018. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216461/ (дата обращения: 5.12.2018).
- Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. ГОСТ 16487-83. Москва : ИПК Изд-во стандартов, 1987. URL: <http://gostrf.com/normadata/1/4294835/4294835961.pdf> (дата обращения: 5.12.2018).
- Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 5.12.2018). Последующие российские стандарты опираются на это определение. Например, «ГОСТ Р 7.0.8-2013 СИБИД. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» от 2014 г. гласит: «документ: зафиксированная на носителе информация с реквизитами, позволяющими её идентифицировать».
- Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур. Языки культуры и проблемы переводимости. Акад. наук СССР, Науч. совет по истории мировой культуры. Москва : Наука, 1987. С. 3–11.
- Михнова И., Пурник А. Эффективная библиотека. Как нам обустроить библиотеку и сделать её нужной людям : практ. руководство. Москва : Рос. гос. б-ка для молодёжи, 2018. 430 с.
- Платон. Федр. Русская историческая библиотека. 2018. URL: <http://rushist.com/index.php/philosophical-articles/5456-platon-fedr-chitat-onlajn> (дата обращения: 5.12.2018).
- Рубакин Н. А. Психология читателя и книги: Краткое введение в библиологическую психологию. Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1928. 291 с.
- Семеновкер Б. А. Эволюция информационной деятельности до книгопечатания. Москва : Пашков дом, 2017. 589 с.
- Столяров Ю. Н. Фундаментальная монография об эволюции документа. Библиография. 2018. № 5. С. 141–148.
- Сухоруков К. М. Книга в будущем (зарубежные оценки, тенденции, прогнозы). Книга. Исследования и материалы. Москва : Терра, 1993. Сб. 66. С. 26–38.
- Тушевский А. М. Сюзанна Брие – «Мадам документация»: страницы истории французского документоведения. 2010. URL: <http://elib.ict.nsc.ru/jspui/handle/ICT/1333> (дата обращения: 5.12.2018).
- Швецова-Водка Г. М. Загальна теорія документа і книги: навч. посіб. Київ: Знання, 2014. С. 18.
- Швецова-Водка Г. Н. Книга и документ: соотношение понятий. Книга. Исследования и материалы. Москва : Терра, 1994. С. 19–37.
- Швецова-Водка Г. Н. У истоков книжной культуры. Отклик на книгу Ю. Н. Столярова «Истоки книжной культуры» (Челябинск: ЧГИК, 2017. 500 с.). Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития : материалы IX Междунар. науч. семинара (Москва 24–25 октября 2018 г.). Сост. Л. А. Авгуль, Д. Н. Бакун. Минск, ЦНБ НАН Беларуси; Москва : ФГБУН Научный и издательский центр «Наука» РАН, 2018. С. 596–602.

REFERENCES

- ISO 5127/1: 2001. Information and documentation : vocabulary. Part 1. Basic concepts. (2001). 2001. P. 10 [in English].
- Deloproizvodstvo i arkhivnoie delo. Terminy i opredeleniia* [Records management and organization of archives. Terms and definitions]. (1987). GOST 16487-70. Moscow: Izdatelstvo standartov. [in Russian].

- Informatsionnai tekhnologiia. Elektronnyi obmen informatsiiei. Terminy i opredeleniia* [Information technology. Electronic information exchange. Terms and definitions]. (2005). Moscow: Izdatelstvo standartov. Retrieved from: <http://docs.cntd.ru/document/1200038309> [in Russian].
- Natsionalnyi standart Rossiiskoi Federatsii. Sistema standartov po informatsii, biblioteknomu i izdatelskomu delu. Organizatsionno-rasporiaditelnaia dokumentatsiia. Trebovaniia k oformleniiu dokumentov* [System of standards on information, librarianship and publishing. Organizational and administrative documentation. Requirements for presentation of documents]. (2018). GOST R 7.0.97-2016. Retrieved from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216461/ [in Russian].
- Deloproizvodstvo i arkhivnoie delo. Terminy i opredeleniia.* [Records management and organization of archives. Terms and definitions]. (1987). GOST 16487-83. Retrieved from: <http://gostf.com/normadata/1/4294835/4294835961.pdf> [in Russian].
- Federalnyi zakon Rossiiskoi Federatsii "Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii" ot 27.07.2006 g. N 149-FZ* [Federal Law of the Russian Federation "On Information, Information Technologies and Information Protection" from July 27, 2006 N 149-FZ]. Retrieved from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ [in Russian]. Next Russian standards rely on this definition. For example, "GOST R 7.0.8-2013 SIBID. Record management and organization of archives. Terms and definitions" from 2014 contains: "Document: Information recorded on a carrier with details allowing it to be identified".
- Lotman, Yu. M. (1987). Neskolko myslei o tipologii kultur [A few thoughts on the typology of cultures]. *Yazyki kultury i problemy perevodimosti*. 3–11. Moscow: Nauka [in Russian].
- Mikhnova, I., Purnik, A. (2018). *Effektivnaia biblioteka. Kak nam obustroit biblioteku i sdelat yeio nuzhnoi liudiam* [Effective library. How do we equip the library and make it necessary for people]. Moscow [in Russian].
- Platon (2018). Fedr [Fedr]. *Russkaia istoricheskaia biblioteka*. Retrieved from: <http://rushist.com/index.php/philosophical-articles/5456-platon-fedr-chitat-onlajn> [in Russian].
- Rubakin, N. A. (1928). *Psikhologiia chitatelia i knigi: Kratkoie vvedeniie v bibliologicheskuiu psikhologiiu* [Psychology of the reader and the book: A brief introduction to bibliological psychology]. Moscow; Leningrad [in Russian].
- Semenovker, B. A. (2017). *Evolutsiia informatsionnoi deyatelnosti do knigopchataniia* [Evolution of informational activities before printing]. Moscow: Pashkov dom [in Russian].
- Stolyarov, Yu. N. (2018). Fundamentalnaia monografiia ob evoliutsii dokumenta [Fundamental monograph on the evolution of the document]. *Bibliografiia*. 5, 141–148 [in Russian].
- Sukhorukov, K. M. (1993). *Kniga v budushchem (Zarubezhnyie otsenki, tendentsii, prognozy)* [Book in the Future (Foreign estimates, trends, forecasts)]. *Kniga. Issledovaniia i materialy*. 66, 26–38. Moscow: Terra [in Russian].
- Tushevskii, A. M. (2010). *Siuzanna Briie – "Madam dokumentatsiia": stranitsy istorii frantsuzskogo dokumentovedeniia* [Suzanne Briet – "Madame Documentation": Pages of the History of French Documentation Studies]. Retrieved from: <http://elib.ict.nsc.ru/jspui/handle/ICT/1333> [in Russian].
- Shvetsova-Vodka, G. M. (2014). *Zahalna teoriia dokumenta i knyhy: navchalnyi posibnyk* [The general theory of the document and the book: the educational tool]. Kyiv: Znannia. S. 18 [in Ukrainian].
- Shvetsova-Vodka, G. N. (2014). *Kniga i dokument: sootnosheniie poniatii* [Book and document: the ratio of concepts]. *Kniga. Issledovaniia i materialy*. 68, 19–37. Moscow: Terra [in Russian].
- Shvetsova-Vodka, G. N. (2018). U istokov knizhnoi kultury. Otklik na knigu Yu. N. Stoliarova "Istoki knizhnoi kultury" (Cheliabinsk: CHGIK, 2017. 500 s.) [At the beginnings of book culture. Response to the book by Yu. N. Stolyarov "The Sources of Book Culture" (Chelyabinsk: ChGIK, 2017. 500 p.)]. *Proceedings from The Modern Problems of Book Culture: Main Trends and Development Prospects '18: IX Mezhdunarodnyi nauchnyi seminar (Moskva 24–25 oktyabria 2018 g.)* (pp. 596–602). Minsk; Moscow [in Russian].

УДК 002.1-021.54-021.58:006.032/.034

Юрій Столяров,
головний науковий співробітник
ФДБУН «Науковий і видавничий центр «Наука»
РАН, д-р пед. наук, професор (Москва, Росія)
e-mail: yn100@narod.ru

УСНИЙ ДОКУМЕНТ

Офіційно прийняті на міжнародному, українському і російському рівнях визначення документа пропонується розуміти розширено, допускаючи вважати документом і природне джерело інформації, тобто людину. Відповідно поряд із документом як об'єктом штучного походження в обсяг поняття документа включається і об'єкт природного походження. Методологічно правомірність такого розгляду впливає з визначення документа, прийнятого Міжнародною організацією зі стандартизації, а також російських і українських державних стандартів. Автор обґрунтовує правомірність існування безлічі дефініцій документа, що залежать від специфіки і профілю відповідної соціальної системи.

Ключові слова: документ, природний документ, штучний документ, Міжнародна організація зі стандартизації, державні стандарти, М. Рубакін, Г. Швецова-Водка, П. Отле, С. Бриє.

UDC 002.1-021.54-021.58:006.032/.034

Yuri Stolyarov,
chief researcher at the Scientific and publishing center
«Nauka» RAN, Dr. Hab.
in Pedagogical Sciences, Professor
(Moscow, Russia)
e-mail: yn100@narod.ru

ORAL DOCUMENT

Officially adopted at the International, Ukrainian and Russian level, the definition of the document is proposed to be understood broadly, allowing the document to be considered a natural source of information, i.e. a person. Accordingly, along with the document as an object of artificial origin, the scope of the concept of the document includes the object of natural origin. Methodologically, the validity of such a review follows from the definition of the document adopted by the international organization for standardization, as well as Russian and Ukrainian state standards. The author substantiates the validity of the existence of many definitions of the document, depending on the specifics and profile of the relevant social system.

Key words: document, document natural, artificial document, International Organization for Standardization, national standards, N. A. Rubakin, G. N. Shvetsova-Vodka, P. Otle, S. Briet.